

Министерство образования и науки Российской Федерации

АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Россия и Китай
на дальневосточных рубежах**

*Исторический опыт
взаимодействия культур*

Вып. 11

Благовещенск
2015

ББК 63.3 (2)
Р 76

*Печатается по решению
Ученого совета Амурского
государственного университета*

Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11/ Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит. и англ. Е.В. Сенина. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – 423 с.

В сборнике научных статей публикуются работы российских и китайских ученых, исследующих этнорелигиозные и этнокультурные контакты народов Дальнего Востока, этнические миграции в этом регионе, их отражение в литературе и публицистике XX–XXI вв. Отдельную часть сборника составляют публикации архивных документов, посвященных культуре, религии, социальной организации дальневосточных этносов; материалы полевых исследований и интервью, редкие этнографические материалы.

Сборник адресован широкой аудитории читателей: научным сотрудникам, преподавателям высших и средних учебных заведений, студентам, а также всем, кто интересуется проблемами истории и культуры народов Дальнего Востока.

При публикации сборника использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Российского научного фонда «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

ISBN 978-5-93493-274-4

©Амурский государственный университет, 2015
©Авторский коллектив, 2015

俄罗斯联邦科学教育部

阿穆尔国立大学

在远东地区的俄罗斯与中国

两个文化相互关系的历史经历

第11辑

布拉戈维申斯克市

2015

ББК 63.3 (2)
Р 76

经阿穆尔国立大学学术委员会批准出版

在远东地区的俄罗斯与中国：两个文化相互关系的历史经历。第 11
辑。《国际学术研讨会文集》/ 主编：A.П.扎比亚卡，A.A.扎比亚卡；汉英翻
译：E.B. 谢尼娜。- 布拉戈维申斯克市：阿穆尔国立大学，2015。- 423 页。

第11版文集里发表俄罗斯和中国著名科学家的著作研究在俄罗斯远东民族志和宗教学和民族志和文化学俄罗斯人与中国人接触，民族志和社会，迁移的过程，体现在文学与新闻XX-XXI世纪。集合的一个独立部分包括献给远东民族宗教，文化，社会组织的档案；实地调研和采访，罕见的民族志材料。该系列是针对广泛的受众读者：专家

- 宗教学家，俄罗斯学家，汉学家；高等和中等教育机构的教师，研究生，本科生和大学；学校教师等感兴趣在远东民族志和文化学和民族志和社会迁移问题的人。

ISBN 978-5-93493-274-4

© 作者团体, 2015
© 阿穆尔国立大学, 2015

The Ministry of Education and Science of the Russian Federation

AMUR STATE UNIVERSITY

Russia and China on the Far-Eastern borders

The historical experience of the interaction of cultures

Vol. 11

Blagoveshchensk
2015

ББК 63.3 (2)

Р 76

*Published by the decision
of the Academic Council
of the Amur State University*

Russia and China on the Far-Eastern Borders. The historical experience of the interaction of cultures Vol. 11./ Edited by A.P. Zabiyako, A.A. Zabiyako; Chinese and English transl. by Senina E.V. – Blagoveshchensk: Amur State University, 2015. – 423 p.

The 11th issue of the collection of scientific articles presents works of Russian and Chinese scientists studying ethnoreligious and ethnocultural contacts between Russian and Chinese, ethnosocial processes of migration in the Russian Far East, their reflection in literature and opinion journalism of XX–XXI centuries. Single part of the collection consists of published archival documents devoted to religion, culture and Far Eastern ethnoses social organization; field research materials and interviews, rare ethnographical materials.

The collection is addressed to a wide target audience: Religious studies specialists, Russian studies specialists, sinologists, higher and secondary educational institutions teachers, postgraduate students, schoolteachers, to anyone who is interested in problems of Far Eastern ethnocultural contacts and ethnosocial migrations.

ISBN 978-5-93493-274-4

© Amur State University, 2015
© Authors' group, 2015

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ И ТРАДИЦИОННЫХ ПРАКТИК ТУНГУСОВ В ТРАКТОВКЕ С.М. ШИРОКОГОРОВА¹

С.С. Гаврилов

Сергей Михайлович Широкогоров (1887–1939) – выдающийся русский антрополог, этнограф, лингвист и педагог первой половины XX века. С 1922 по 1939 годы жил и работал в Китае из-за вынужденной эмиграции. В Китае С.М. Широкогоров был известен под фамилией Ши Луго (китайский вариант его русской фамилии). Основная часть работ ученого была издана именно в Китае на английском языке. С.М. Широкогоров внес большой вклад в развитие этнографии Китая, создал свою школу, был избран членом Академии наук Китая. Многие видные китайские учёные были учениками С.М. Широкогорова.

С.М. Широкогоров в своих исследованиях рассматривает этнопсихологические характеристики, которые во многом обусловили существование традиционных верований и религиозных практик тунгусов.

Этнопсихологическим особенностям тунгусов уделялось внимание уже в работах исследователей XVIII–XX вв². В этот период в работах таких исследователей как Кастрен, Х. Лаптев, К.М. Рычков сложилась тенденция обобщенных этнопсихологических характеристик, трактуемых с позиции своей собственной культуры, без попыток понять чужую логику и мотивацию поступков в рамках чужой культуры. Рассуждая о характере тунгусов, авторы руководствовались собственными представлениями о нравственном и достойном поведении, любые отклонения от этого нравственного идеала, допускаемые чужой культурой, истолковывались как её явные недостатки, приближение к идеалу – как безусловное достоинство. Это было время становления и господства этнической психологии как науки, исследующей «дух народа», поэтому обобщённые и неизбежно субъективные характеристики, дававшиеся поведенческой культуре «инородцев», были совершенно закономерны и современны.

С.М. Широкогоров предпринял попытку раскрыть этнопсихологические особенности тунгусов с нейтральной позиции, т.е. «забыв, если это возможно, свой собственный комплекс и записывая факты без того, чтобы делать выбор, подобно механической аппаратуре, если можно позволить

¹ Исследование поддержано грантом Российского научного фонда. Тема «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

² Рычков К.М. Енисейские тунгусы // Землеведение, кн. 1–2, 1917; кн. 3–4, 1922; Эвенки бассейна Енисея. Новосибирск, 1992. С. 102; Туголуков В.А. Идущие поперёк хребтов. Красноярск, 1980. С. 9.

такое сравнение, не позволяя себе позитивных или негативных реакций на наблюдаемые факты и факты, которые могут быть наблюдаемы, чтобы не мешать процессу наблюдения и записи»¹.

Ученый резко критикует кастреновскую традицию, сложившуюся в XVIII–XIX вв. – называть тунгусов «дворянами среди инородцев Сибири», – аргументируя это тем, что такая позиция была вполне приемлемой для читателей, которые были, в основном, из той же социальной среды и культурного комплекса, но в XX в. это краткое определение – «абсолютное заблуждение, ибо многие читатели не понимают, что представлял собой дворянский комплекс в то время»².

В своих поздних работах С.М. Широкогоров подвергает критике и утвердившееся в западной исследовательской традиции представление о психической неполноценности тунгусов. Если в «Опыте...» ученый еще придерживается данного представления, то в «Социальной организации северных тунгусов» он уже пишет о том, что среди тунгусов, по его наблюдениям, как и среди европейцев, встречаются исключительно интеллектуальные люди обоего пола, которые в состоянии понять и усвоить не только общие идеи чужой для них культурной традиции, но и более сложные. При этом, как отмечает Широкогоров, слабоумных людей среди тунгусов встречается даже меньше, чем среди европейцев. Это обстоятельство учёный объясняет тем, что такой человек не смог бы выжить в условиях жизни тунгусов и погиб бы ещё в раннем возрасте. Соседние с тунгусами народы, по наблюдениям учёного, также признают психическое превосходство тунгусов. Мнение же европейских исследователей о психической слабости тунгусов, по мнению ученого, основано исключительно на желании тем самым лишить тунгусов их территории или установить контроль над их экономической деятельностью³.

С.М. Широкогоров осознаёт то, что выделить общие черты характера тунгусов сложно из-за обширности населяемой ими территории и различий в образе жизни разных родов. Но всё-таки, как отмечает учёный, такие общие черты, характерные для всего этноса в целом, существуют. В этом взгляды учёного совпадают с современными представлениями об изучении этнического характера.

Современная этнопсихология изучение этнического характера видит в раскрытии его наиболее выраженных социально-психологических черт.

¹ Широкогоров С.М. Трудности исследования психоментального комплекса (Перевод главы 1 из Психоментального комплекса тунгусов) // Широкогоровские чтения. Владивосток, 2001. С. 65–70.

² Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of this groups). Shanghai The Commercial Press, 1929. P. 309.

³ Ibid. P. 310.

«Уникальна только структура характерологических особенностей этноса, а все элементы, входящие в неё, являются общими. Здесь неправомерна абсолютизация. Речь может идти не о том, что этническая общность монопольно обладает той или иной чертой, а лишь о различиях в степени её проявления»¹.

Современные религиоведы отмечают, что в число важнейших этнических компонентов входят этнические стереотипы поведения – типичные для этнокультурной общности сценарии реакций и действий в определенной ситуации. Сопутствуя этносу в течение исторически длительных периодов, стереотипы поведения укореняются в этнической культуре в качестве этнокультурных констант – базисных моделей культурной жизни, выражающих и закрепляющих основополагающие свойства этноса как целостности. В каждой этнической культуре доминируют свои этнокультурные константы, определяющие особенности мировоззрения, этнической психологии, художественного творчества и, в конечном счете, – исторической судьбы народа. Они формируют представления народа об истории, картине мира, должном и недолжном и др. основополагающих сторонах человеческого существования. Как исторически длительный феномен этнокультурные константы выступают инвариантами национальной ментальности (этнокультурными архетипами)².

Общей чертой для всех тунгусов Сергей Михайлович склонен считать любовь к знаниям, любознательность и любопытство. Объясняет это учёный жизненной необходимостью живущих в одинаковых условиях борьбы за жизнь тунгусов. Чтобы выжить, они должны знать, как можно больше о своём окружении. Однако, как отмечает исследователь, ум тунгусов не остаётся равнодушным и к знаниям, которые не касаются их или их интересов непосредственно. Эта характеристика тунгусского менталитета считается естественной и необходимой для каждого, и человек, не обладающий такими качествами, по мнению самих тунгусов, является психически неполноценным. Эти особенности тунгусов, отмечает учёный, может зафиксировать любой исследователь хоть сколько проживший в их среде. Будь то взрослый или ребенок-тунгус, – они могут часами наблюдать жизнь животных, за которыми они охотятся, и не только животных, но и насекомых или растений. Иногда это происходит без какой-либо практической цели. При этом они не ограничиваются только сбором фактов, но и приходят к выводам и обобщениям. Многие писатели были поражены тем фактом, что почти все так называемые «первообытные люди» – отличные наблюдатели, и тунгусы не являются исключением. Эта черта

¹ Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб., 2012. С. 16.

² Забияко А.П. Религия и этнос // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 909–911.

тунгусского характера признается также всеми соседними этническими группами, которые, в случае необходимости, используют тунгусскую наблюдательность в практических целях. Данная особенность среди тунгусов хорошо развита потому, что отсутствие внимания, наблюдения и умения правильно принимать решение может послужить причиной гибели во время кочевья или охоты. Они должны знать повадки многочисленных животных, изменения погоды, фактическую степень опасности от пожара, наводнения, падения деревьев и других несчастных случаев. Неудивительно, что тунгусы очень способны в изучении иностранных языков, заимствовании чужого знания, чужих этнографических элементов. В связи с этим С.М. Широкогоров делает предположение, что среднестатистический тунгус индивидуальными способностями превосходит среднестатистического представителя многих других этнических групп. Естественным учёный считает и то, что тунгусы, прежде чем разрешить себя наблюдать, изучают наблюдателя, а иногда и отказываются вообще быть наблюдаемыми¹.

Известно, что восточная культура по своему характеру – коллективная культура. Это получило и своё отражение в характере тунгусов. По мнению С.М. Широкогорова, коллективная культура проявляется во всех сторонах жизни тунгусов – каждое своё действие тунгусы считают актом социальной значимости. Причины такого отношения многообразны, но главная причина в том, что тунгусы живут родами, и не представляют жизни вне рода, так что тунгусы, будучи тесно связаны с родом с самого детства, не могут себе представить возможности независимого существования. Коллективная культура тунгусов, по мнению учёного, связана ещё и с тем, что они немногочисленны и в силу экономических условий вынуждены жить в группах, не превышающих двух или трёх семей; из-за ограниченного числа таких единиц тунгусы не могут часто менять своих друзей. Данное обстоятельство предполагает высокое развитие продуктивного личностного общения и дружбы, – приспособляемости среди соседей и обязательного отказа от индивидуальных интересов в угоду общим; вежливости в личном поведении в интересах других. Конкретной формой проявления данной характеристики является обычай неограниченного гостеприимства, когда гость становится членом группы, что, по мнению Широкогорова, является необходимостью, так как тунгусы во время своих странствий часто нуждаются в помощи своих соплеменников².

¹ Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of this groups). P. 310–311.

² Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of this groups). P. 312.

По наблюдениям Широкогорова, тунгусам не нравятся ни лесть, ни лицемерие, поэтому тунгусы, например, недолюбливают бурятов. Из-за этого другим этническим группам, привыкшим к этой практике, тунгусы могут казаться очень грубыми и необразованными. Однако, как отмечает учёный, тунгусские женщины и мужчины любят, когда их хвалят другие, так как это стимулирует их деятельность. В то же время тунгусы не тратят свое время и энергию на лесть и лицемерие, которые не имеют никакого эффекта. Тунгусы не надменны, они относятся ко всем в очень простой форме, хотя они показывают, в то же время, определённую гордость и уверенность в себе¹.

Широкогоров отмечает отрицательное отношение тунгусов ко лжи. Ложь считается одним из худших преступлений. Уличённый во лжи, как правило, впоследствии становится объектом общих издевательств. Причину такого отношения исследователь видит в том, что тунгусы должны иметь правильную информацию о врагах, животных на которых они охотятся и о друзьях, с которыми они хотят встретиться, так как любая ложная информация может вовлечь их в бесполезную трату энергии. По этой же причине тунгусам не нравится нечестная торговля, например, когда товар не соответствует обещанному качеству, но они абсолютно равнодушны к формальной или юридической стороне сделки. Не распространена среди тунгусов и любовь к сплетням. Сплетни, как правило, не одобряются, хотя женские сплетни иногда встречаются среди тунгусов. Любая форма вторжения в частную жизнь других людей запрещена.

Система общественной организации тунгусов, по мнению С.М. Широкогорова, повлияла на складывание таких черт характера как вежливость, внимательность, выносливость, смелость. Среди тунгусов отсутствуют такие черты, как жадность и коварство. Случай личного оскорблении, преступлений, или покушений в отношении других лиц исключительно редки. Комплекс общественных отношений тунгусов приводит к развитию сознания долга, любви к истине, верности и честности, большой дисциплины среди индивидуальных, а также среди коллективных хозяйств, самопожертвования и самоотречения, когда это требуется в интересах группы – маленькой или большой – такой, как семья, род или групп, чей авторитет тунгусы признают, таких как маньчжуры, китайцы и русские. Это способствовало успеху в колонизации восточной и северной Сибири русскими, и контроля Маньчжурии маньчжурами, а затем и китайцами.

¹ Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of this groups). P. 312–313.

С.М. Широкогоров отмечает хорошую способность тунгусов к самоконтролю. Однако среди тунгусов не редки случаи потери самоконтроля. Зачастую такие случаи являются проявлением крайнего возбуждения¹.

Тунгусы, как отмечает учёный, не проявляют жестокости. Любой вид жестокости, физической или моральной, по отношению к другим тунгусам, животным, или другим людям, неприемлем для них. Они никогда не мучают животных или детей, и любое неоправданное убийство животных считается «орума» – плохим. Но это не означает, что тунгусы сентиментальны. На самом деле, как отмечает Широкогоров, они убивают своих членов рода без каких-либо колебаний, если это необходимо и является их долгом. Тем не менее, тунгусы не убивают за деньги или ради личной выгоды².

Исследователь отмечает такую черту характера тунгусов как эмоциональность. Эмоциями объясняются многие отношения среди тунгусов, несмотря на их способность к самоконтролю.

Для тунгусов, по словам исследователя, характерна резкая смена настроения. Они могут иногда оставаться неподвижными в течение длительного времени или стать беспокойными, суетливыми, возбужденными, как будто опьянёнными легким наркотиком. Это зависит, по мнению С.М. Широкогорова, от некоторых физиологических особенностей тунгусов, связанных с непрерывным изменением места, движением и скитанием, что, безусловно, требует оперативного реагирования, психического и эмоционального напряжения³.

С.М. Широкогоров не ограничивается только вышеописанными этнопсихологическими характеристиками, раскрывая особенности характера тунгусов. Приведение только этих характеристик в данной статье обусловлено тем, что они во многом стали условием, обеспечившим существование традиционных верований и религиозных практик тунгусов.

Подобных взглядов придерживаются и современные религиоведы, отмечая, что большинство религий появилось как продукт деятельности определённого этноса, интегрировав его свойства – языковые особенности, формы социальной организации (родства и др.), психоментальные характеристики, образ жизни и быт⁴.

Существование шаманизма, по мнению С.М. Широкогорова, обусловлено психологией групп. Ученый выделяет четыре условия, которые, по его мнению, поддерживают существование шаманизма: (1) практиче-

¹ Ibid. P. 314–315.

² Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of this groups). P. 316.

³ Ibid.

⁴ Забияко А.П. Религия и этнос // Религиоведение / Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 909–911/

ская эффективность воздействия на пациента или членов рода, когда излечивается психическая нестабильность, (2) социальная сторона шаманизма, (3) «эмоциональная» и, в частности эстетическая сторона шаманизма, и (4) получение новых знаний. Два последних условия непосредственно связаны с этнопсихологическими особенностями тунгусов¹.

В основе шаманизма, по мнению Широкогорова, лежит эмоция. Поэтому шаманизм и привлекает тунгусов своим очень сильным эмоциональным влиянием на аудиторию. Представления шаманов настолько сильно воздействуют на эмоции зрителя, что они легко могут впасть в массовый экстаз. По-видимому, это эмоциональное состояние оставляет определённые приятные воспоминания, а те, кто пережил этот опыт, обычно хотят повторить его снова и снова. С эмоциональной точки зрения, ощущение близости духов, искусно управляемых шаманом, также производит эффект повышенной привлекательности на участников. Действительно, эти эмоции сильнее, чем при простом театрализованное представление или чтении рассказов о духах. В ходе камлания духи становятся частью реальности, а иногда – довольно опасной реальности. Бесстрашие шамана, управляющего духами, также оказывает эмоциональный эффект.

Эмоции вызывает и эстетическая сторона шаманских представлений. Во время камлания используются разнообразная музыка, а также танцевальные движения. Наиболее сильные эмоции вызывает музыкальная сторона – за счёт богатства мелодии, воспроизводимой хорошо знакомыми музыкальными инструментами в сочетании с пением шамана или хоровым пением, с различными темпами и ритмами. Эти эмоции усиливаются ещё и тем, что многие из присутствующих являются не только зрителями, но и исполнителями. В меньшей степени то же самое можно сказать по отношению к «танцам», исполняемым шаманом и редко участниками. Во многом «танцы» вызывают меньше эмоций потому, что из-за трудности выполняемых движений они уступают своим разнообразием музыке. Тем не менее, ритмичность движений, изменение шага и т.д., также может производить определённый эффект.

Очевидно, что шаманы, которые способны вызывать такие эмоции, воспринимаются как хорошие шаманы, а шаманизм, в качестве источника таких эмоций, принимается, одобряется и поддерживается тунгусами.

Шаманизм удовлетворяет и естественную любознательность тунгусов, которую С.М. Широкогоров рассматривает как существенную черту характера тунгусов. Во время камлания зрители получают очень важную информацию о духах природы и деятельности, а также о методах борьбы с ними. Представления шаманов, особенно когда происходит лечение труд-

¹ Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1935. P. 342–344.

ных случаев, являются богатыми источниками новых знаний в отношении психических явлений или порядка¹.

Таким образом, видно, что этнопсихологические особенности тунгусов повлияли на выбор шаманизма как традиционного верования: людям с сильно выраженным эстетическими чувствами шаманизм даёт возможность испытывать эти эмоции, для любознательных людей шаманизм выступает в качестве источника новых знаний. Лишь для очень небольшой группы тунгусов шаманизм безразличен или вызывает негативную реакцию. Такие люди среди тунгусов встречались ранее и встречаются, но их влияние никогда не было сильным среди тунгусов, пока не начался интенсивный процесс этнической дезинтеграции, вызвавший потрясение во всем культурном комплексе разных групп тунгусов².

С.М. Широкогоров неоднократно указывал на то, что шаманизм мирится с любой религией, приспособляясь к ней и пополняя системы духов новыми знаниями.

Так, например, по наблюдениям учёного, маньчжурские эвенки беспрепятственно приняли некоторые китайские теории, касающиеся духов и их функций. Вместе с этим Широкогоров отмечал проникновение некоторых ныне неизвестных шаманистам приёмов борьбы с этими духами. Большое значение в изменении взглядов на некоторые явления, раньше объяснявшиеся деятельностью духов, имело также проникновение медицинских знаний, в принципе признаваемых шаманизмом. Вследствие этих причин, область шаманства значительно сократилась. Едва ли меньшую роль в этом процессе сыграли также причины чисто психологического свойства. Беспокойство, причиняемое духами непосредственно и через шаманов, а так же самими шаманами, приводило некоторых людей к идею полного отказа от шаманов. У маньчжурских эвенков по отношению к большинству бурканов употреблялось личное обращение и жертвоприношение, заменяющее обращение через посредство шаманских духов. По мнению Широкогорова, достаточно достигнуть благоприятного результата несколько раз, как потребность в шамане начинает ослабевать. Вследствие этих обстоятельств те же эвенки в некоторых родах не имели шаманов по несколько лет подряд и возвращались к шаманству лишь по возобновлении психических и нервных заболеваний, количества которых неминуемо должно было также сократиться, вследствие появления специалистов, знающих молитвы и жертвоприношения. Из этих специалистов, как

¹ Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. P. 342–344.

² Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. P. 342–344.

считает Широкогоров, могут выработать впоследствии профессионалы-жрецы¹.

Как весьма интересную причину постепенного угасания шаманства, наблюдавшегося у маньчжуров в начале XX века, Широкогоров указывает чрезмерное развитие и обособление ритуала.

С.М. Широкогоров отмечал, что у северных тунгусов удерживаются архаические ритуальные действия, слова и так далее, но они сохраняются у людей на бессознательном уровне, подвергаясь, по мнению учёного, некоторым незначительным изменениям, делающим данный акт более понятным. Широкогоров считал, что сохранение отдельных древних ритуальных действий может происходить также и по причинам их эстетичности, таинственной символичности и другим частным причинам, но сохранение всего древнего ритуала целиком лишает всё шаманско действие понятного смысла действий; и далее, так как занятия утонченным эстетизмом и мистицизмом, основанными на таинственной архаичности ритуала, для людей мало развитых недоступно, то весь древний ритуал целиком не может сохраниться среди народностей, а особенно таких, которые ищут, прежде всего, полезного и понятного действия со стороны духов и шаманов².

Таким образом, среди основных этнопсихологических особенностей тунгусов, описанных С.М. Широкогоровым в его трудах, можно выделить следующие: любовь к знаниям, любознательность и любопытство; вежливость, внимательность, выносливость, смелость; отсутствие таких черт как жадность и коварство; исключительная редкость случаев личного оскорбления, преступлений, или покушений в отношении других лиц; развитое осознание долга, любовь к истине, верности и честности, большая дисциплина среди индивидуальных, а также среди коллективных хозяйств, самопожертвование и самоотречение; отрицательное отношение ко лжи; способность к самоконтролю; характерность резкой смены настроения; эмоциональность; неприемлем любой вид жестокости, физической или моральной, по отношению к другим тунгусам, животным, или другим людям.

С.М. Широкогоров считает существующие у тунгусов религиозные верования и традиционные практики этнопсихологически обусловленными. В этой связи С.М. Широкогоров отмечает, что на выбор религиозных верований и традиционных практик тунгусов повлияли такие этнопсихологические особенности как эмоциональность, стремление к новым знаниям и открытость. Именно поэтому традиционным верованием тунгусов стал шаманизм, и именно поэтому шаманизм тунгусов мирится с любой религиозной системой, приспосабливается к любой системе знаний и к любым анимистическим мировоззрениям.

¹ Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Владивосток, 1919. С. 104.

² Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Указ. изд. С. 105.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
 <i>Россия и Китай на дальневосточных рубежах: исторический опыт взаимодействия двух культур</i>	
Забияко А.П. Диаспоры как фактор цивилизационных взаимодействий.	9
Ли Иннань. Миссионерская деятельность РПЦ в Китае – исторические уроки.	22
Кейдун И.Б., Макарова А.И. Исторический опыт изучения Дальнего Востока в рамках деятельности благовещенского отделения общества востоковедения.	35
Урманов А.В. Осмысление процессов глобального взаимодействия России и Китая в амурской публицистике начала XX века.	43
Пелевина О.В. Мировоззренческие и правовые основы культурно-гуманитарного взаимодействия России и Китая на современном этапе.	51
 <i>Этнокультурные и этнорелигиозные проблемы диалога русских и китайцев</i>	
Филонов С.В. Концепт «искупление вины» и его категориальный тезаурус в ранних даосских религиозных сочинениях.	61
Лемешко Ю.Г. Гуань Юй на народной картине няньхуа: культ божества в традиционном и современном Китае.	95
Латин А.В., Моторина В.В. Религиозные образы и черты в современном китайском искусстве (на примере «contemporary art»).	104
Чжоу Синьюй. Представление о глупости в китайской культуре (на материале учений Лао Цзы и Конфуция).	113
Беляков А.О., Миронов М.А. Маньчжурский клин: к вопросу интерпретации предметов материальной культуры.	125
Гаврилов С.С. Этнопсихологическая обусловленность религиозных верований и традиционных практик тунгусов в трактовке С.М. Широкогорова.	131
Матющенко В.С. Амурское старообрядчество в свете современного внутренконфессионального конфликта в Русской православной старообрядческой церкви.	141
Латин А.В., Комлярова М.М. Отношение к животным в религиях Китая.	148
Аргудяева Ю.В. Русские казаки-забайкальцы в Северо-Восточном Китае.	152
Зиненко Я.В. Православие в Китае: обзор публикаций материалов конференций «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» (2000–2013 гг.).	169

目录

前言	3
在远东地区的俄罗斯与中国：两个文化相互关系的历史经历	
扎比亚科 A.П. 散居人作为一个文明相互关系的因素。	9
李英男。俄罗斯东正教会在中国的传教活动 – 历史教训。	22
凯伊顿И.Б. 马卡洛娃А.И. 远东研究在布拉格维申斯克分会东方学社活动的历史的经历。	35
鸟里马诺夫 A.B. 在 20 世纪初阿穆尔的政论作品理解俄罗斯和中国之间的全球合作的过程中。	43
别列维纳О.В. 现代俄罗斯和中国之间文化人道的相互影响，思想和法律的基础。	51
俄罗斯人与中国民族文化和民族宗教对话的问题	
菲罗诺夫 C.B. “赎罪”的概念在早期道教的宗教著作的分类总词库。	61
列梅舌卡 Ю.Г. 关羽年画图片——中国传统和现代的神崇拜。	95
拉宾 A.B., 模特列娜 B.B. 宗教的形象和特点在当代中国艺术（如“contemporary art”）。	104
周欣宇 对愚蠢在中国文化的概念（以老子学和孔子学为例）。	113
别利亚科夫 A.O. 满族楔——关于物质文化的对象的解释。	125
加夫里洛夫 C.C. 西罗克戈罗夫对通古斯族的宗教信仰和传统习俗的民族心理条件的论述。	131
马秋信科 B.C. 阿穆尔旧礼仪派教徒在现代俄罗斯东征旧礼仪派教内部的冲突。	141
拉宾 A.B., 科特丽雅洛娃 M.M. 对动物的态度在中国的宗教。	148
阿尔古佳耶娃 Ю.В. 俄罗斯外贝加尔人的哥萨克在中国东北。	152
日涅恩卡 Я.В. 东正教在中国：“在远东的俄罗斯与中国”（2000–2013 年）的出版会议论文集。	169
中国与俄罗斯：俄罗斯文化和俄罗斯文学在两种文明的对话	
谢泥娜 E.B. 20 世纪上半叶中国对俄罗斯文学的兴趣社会政治与社会文化前提。	175
扎比亚科 A.A. П.В. 什吉尔金汉学家，民族学家：在 19–20 世纪中国东北地区的社会文化转变语境和文明之间的接触语境的红胡子的形象。	183
特罗什娜 В.С. П.В. 什吉尔金的“中国传说”：中国民间传说的文学论述和历史。	188
罗季奥诺娃 К.И. Н.А. 拜科夫在中国和满洲研究虎崇拜在他的作品“大王”。	199
比比克 Е.Е. 远东边境的人：В.Ю. 亚尼科夫斯基（“Nenuni. 远东的奥德修”）。	207
格列别纽克娃 Н. П. 关于哈尔滨的俄罗斯诗人希梅斯尔。	214
扎比亚科 A.A. 谢戈廖夫的档案作为是在哈尔滨俄罗斯移民的改造生活的来源。	220
布阻耶夫 О.А. 主题和风格的特点在“两个小站”——瓦列里·彼列列申回忆录。	233
黑萨穆特金诺夫 А.А. 音乐生活在哈尔滨的俄罗斯人。	245
列夫琴科 А.А. 中国革命在苏联读者的认知（韦涅季克特·马尔特）	
阿根诺索夫 В.В. 米哈伊尔·素洛维约夫“苏联战地记者的笔记”。	251

CONTENTS

Foreword	3
 <i>Russia and China in the Far East: The historical experience of the interaction of two cultures</i>	
<i>Zabiyako A.P.</i> Diasporas as factor of civilizational interactions.	9
<i>Lee Innan.</i> The missionary activity of the ROC in China – historical lessons.	22
<i>Keydun I.B., Makarova A.I.</i> Historical experience of studying the Far East as part of the activity of Blagoveshchensk branch of the Oriental Studies Society.	35
<i>Urmanov A.V.</i> Understanding the processes of global cooperation between Russia and China in the Amur social and political essays early 20th century.	43
<i>Pelevina O.V.</i> World-view and legal foundations of the cultural-humanitarian interaction between Russia and China today.	51
 <i>Ethno-cultural and ethno-religious questions of dialogue between Russian and Chinese</i>	
<i>Filonov S.V.</i> The concept of "atonement" and its categorical thesaurus in the early Taoist religious writings.	61
<i>Lemeshko J.G.</i> Guan Yu's folk painting nianhua is the cult of the deity in the traditional and modern China.	95
<i>Lapin A. V., Motorina V.V.</i> Religious images and features in modern Chinese art (for example «contemporary art»).	104
<i>Zhou Xinyu.</i> The idea of stupidity in the Chinese culture (based on the teachings of Lao Tzu and Confucius).	113
<i>Belyakov A.O., Mironov M.A.</i> «Manchurian wedge»: to the question of interpretation of the subjects of material culture.	125
<i>Gavrilov S.S.</i> Ethno-psychological conditionality of religious beliefs and traditional practices of the Tungus in the treatment of S. M. Shirokogorov.	131
<i>Matyushchenko V.S.</i> The Amur Old Belief in the light of the current intra-confessional conflict in the Russian Orthodox Old Believers Church.	141
<i>Lapin A.V., Kotlyarova M.M.</i> The attitude to animals in the religions of China.	148
<i>Argudyaeva J.V.</i> Russian Cossack-Transbaikalians in the Northeast China.	152
<i>Zinenko Ya.V.</i> Orthodoxy in China: review of publications on the conference "Russia and China in the Far East" (2000-2013 gg.).	169